

В день, который, по ее предположению, был четвергом, они снова принимали душ. Ее повели первой, одну. Долохов наблюдал за тем, как она раздевается, под струей воды. Он бичевал ее одежду и передавал ей каждую вещь по очереди. Начал с трусиков.

Он улыбнулся и провел пальцами по хлопку, пока она стояла перед ним, вытираясь полотенцем.

"Дорожи этими моментами, мадблад", - сказал он. "После завтрашнего дня тебе больше не понадобятся маленькие трусики".

Она никак не отреагировала на его слова. Не в силах говорить, она сосредоточилась на том, чтобы не выдать себя. Она натянула панталоны под полотенцем и с трудом натянула остальную одежду на все еще влажное тело.

Когда ее вернули и забрали пять девушек, потом еще пять, никто из них не жаловался на отсутствие уединения в душевых. Поэтому она решила, что для нее это особое обстоятельство.

Среди девушек поползли слухи, что Аукцион состоится в пятницу вечером. Шепотков было достаточно, чтобы с уверенностью предположить. Джинни принялась расхаживать по комнате, пытаясь выяснить как можно больше деталей. Гермiona сидела в углу с Полумной, а блондинка играла со своими волосами, то заплетая, то расплетая их.

"Может, попробуем еще раз напасть?" спросила Джинни у комнаты. "У нас нет магии, но у нас есть численность. Вместо пяти против двух мы можем быть пятьюдесятью против горстки".

Наступила густая тишина, и кто-то сказал: "После того, что случилось... с Парвати и Лидией... я просто..."

"На твоём месте я бы больше боялась жить, чем умереть", - сказала Пэнси, разглядывая свои ногти.

"Ты добровольно соглашаешься со мной, Паркинсон?" спросила Джинни.

Пэнси ухмыльнулась. "Я не доброволец".

Джинни посмотрела на нее. "Гермиона? Что ты думаешь? Они не увеличили количество охранников. По-прежнему только Долохов и еще как минимум один. В следующий раз, когда они войдут в комнату, мы могли бы... Я не знаю". Джинни опустила руки на бока.

Джинни смотрела на нее с надеждой и волнением. Гермiona смотрела в ответ.

Джинни уже пять дней принимала душ. Она не смотрела, как Лидия Бакстер истекает кровью

у нее на глазах. Она не слушала крики Полумны. Она не чувствовала жар руки Долохова между своих ног, не ощущала его мерзкое дыхание, когда он медленным шепотом говорил о том, что хочет сделать с ее телом.

У Джинни появился голос.

И было замечательно, что она все еще хотела им воспользоваться. Воистину. Но Гермионе уже было трудно смотреть людям в глаза. И она знала достаточно о шоке, подчинении и пытках, чтобы понять, что сейчас она не в том состоянии духа, чтобы обсуждать это. Что люди будут умирать, а это будет жить в душе Гермионы, как грибок.

Джинни ждала ответа. Вся комната ждала.

Гермиона по-прежнему не подавала голоса. Вместо этого она пожала плечами.

И наблюдала, как Джинни моргает, глядя на нее. Несколько младших девочек отвели глаза. Глаза Пэнси сузились, а Пенелопа Клируотер опустила взгляд.

Полумна взяла ее за руку, сцепила их пальцы и напела какую-то песенку.

"Ничего?" Джинни нахмурилась. "Просто", - пожала она плечами, подражая ей, - "Просто ничего?". Она рассмеялась, но звук был пустой. "Мерлин, Гермиона! Думай! Выскажи свое мнение! Разве не в этом ты хороша?"

Глаза Джинни широко раскрылись и загорелись. Несколько девочек сдвинулись с места и уставились на нее с восторженным вниманием.

"Джинни..." - начала Чо.

"Нет! Она всегда думает. Всегда с планом, всегда на два шага впереди всех, планирует приключения, на которые никого не приглашают, и спасает мир, когда Гарри попросит, но теперь Гарри мертв, а ей все равно?" Джинни втянула воздух, голос дрожал. Гермиона почувствовала, как ее щеки вспыхнули, а на глаза навернулись слезы. "Она не сражается!"

"Она сражалась! Она проиграла!" кричал Мортенсен.

"Тогда она снова дерется!" огрызнулась Джинни. "Если она не..." Джинни повернулась к ней лицом, снова обращаясь к ней. "Если ты не будешь драться, то что, блядь, делать остальным?!" Она жестом указала на их комнату. Гермиона почувствовала гул в ушах. "Кингсли и МакГонагалл ушли. Осталась только ты, Гермиона! Если бы Гарри был здесь, он бы..."

Ее голос треснул, словно его разрезали пополам. Она беззвучно пошевелила губами,

пропищав.

"Если бы Гарри...", - попыталась она, прервавшись. Джинни закрыла рот рукой, глаза ее расширились и слезились.

Полумна отпустила руку Гермионы, подталкивая ее к движению, и Гермиона встала, подошла к Джинни, притянула ее к себе и держала, пока она разбивалась на кусочки, а голос эхом отражался от плитки в странных узорах.

Она шептала ей слова на ухо, говоря, как ей жаль и как сильно она хочет, чтобы все было по-другому. Все эти клише, произнесенные вслух, звучали ужасно, но, когда она вдыхала их в огненные волосы Джинни, они обретали смысл. Она рассказала Джинни о Долохове, о его руках и глазах и о том, как она жалеет, что не убила его, когда у нее была возможность.

Джинни затихла, и Гермиона, взяв ее лицо между пальцами, заглянула ей в глаза и вздохнула:
- Мы переживем это. Я найду тебя.

Джинни кивнула.

Гермиона отошла в сторону, чувствуя на себе все взгляды. Она повернулась по кругу, встречаясь взглядом с каждой девушкой, читая в них страх и изнеможение. В конце концов она остановилась на Пэнси Паркинсон, которая не сводила с нее глаз.

Она не могла говорить за себя. Не могла озвучить то, что хотела сказать им. Она посмотрела вниз, может быть, она сможет повторить заклинание.

Снова виноград. В миске у ее ног. Гермиона потянулась, сорвала одну с лозы и, глядя прямо в красные глаза Джинни, протянула ей.

Не одна.

Джинни кивнула и взяла виноградину из ее пальцев.

Она чувствовала, как комната дышит, вдыхая покой.

Дверь с грохотом распахнулась.

Она отпрянула от Женьки, схватив еще виноградины, словно так и было задумано, чтобы оказаться в центре комнаты.

Она прислушалась, нет ли тяжелых сапог Долохова, но их не было. Она посмотрела на дверь.

"Ну, привет всем!" Высокий молодой человек ослепительно улыбнулся.

Маркус Флинт. Зубы он уже выправил.

"Грейнджер", - кивнул он ей. "Рад снова тебя видеть". Он провел глазами по ее торсу, наклонив голову, чтобы оценить ее бедра и ноги. Он опустил взгляд на лист бумаги в своей руке, пробежав глазами по странице. Он нахмурился. "А. Конечно, нет". Он снова поднял на нее глаза и тяжело вздохнул. "Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой". Улыбка.

Гермиона уставилась на него и медленно отошла в свою часть комнаты.

Повысив голос, он объявил: "Позвольте мне увидеть Мортенсена, Фосетта, Хименеса и..." Его бровь приподнялась. "Паркинсон".

Две девушки медленно шагнули вперед. Гермиона заглянула в открытую дверь и увидела за рамой сапоги Якли.

"За что?" огрызнулась Пэнси.

Флинт искал ее в комнате и нашел в своем обычном углу. Он ухмыльнулся. "О, как пали сильные мира сего...", - пробормотал он. "У меня есть новое зелье, которое нужно испытать", - объявил он. Он обвел взглядом комнату и снова остановил свой взгляд на Гермионе. "Кое-что, что может оказаться весьма прибыльным на нынешнем... рынке. Мне нужны были подопытные. И вот вы все здесь". Он усмехнулся.

Гермиона вздрогнула от плеч до кончиков пальцев.

"Итак, эти четыре девушки, пожалуйста, встаньте в ряд..."

"Что за зелье?" осведомилась Пэнси. Она больше всех общалась с Маркусом Флинтом, и это проявлялось в том, как он на нее смотрел.

Якли повернул за угол и, стоя в дверном проеме, прошипел: "Действуйте".

Мортенсен присоединился к двум другим, Пэнси осталась в очереди последней. Флинт оглядел Мортенсен с ног до головы и велел ей покинуть очередь. Он просмотрел список и вызвал Нельсона, а когда бледная тонколицая девушка протиснулась вперед, отстранил ее еще до того, как она встала в очередь.